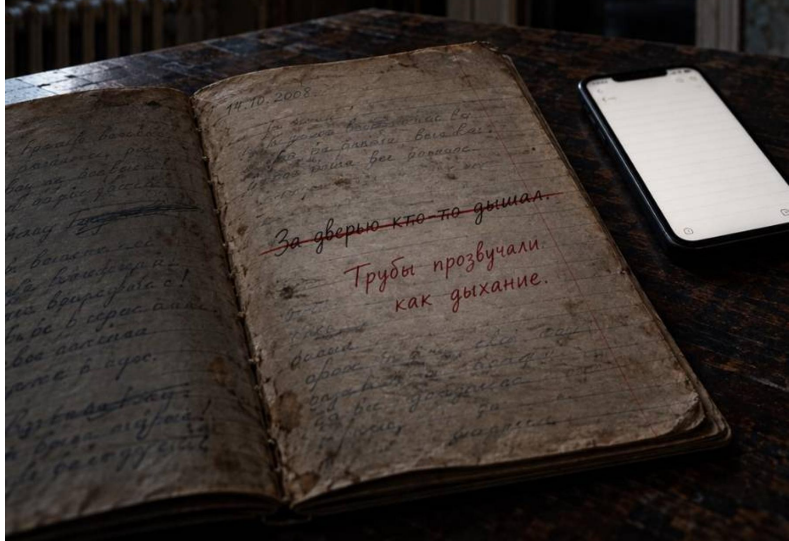

ИСПРАВЛЕНО

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

Дмитрий Иванов

Исправлено

<https://litres.ru/74673498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Мельникова наконец купила собственную квартиру. Старую двухкомнатную у Обводного канала, с заедающим замком, паркетом под линолеумом и ремонтом, который придётся делать по частям.

Во время осмотра проводки электрик находит за встроенным шкафом четыре школьные тетради. Их оставила женщина, которая, судя по записям, жила здесь почти двадцать лет назад.

Сначала Вера читает о чужой работе, соседях и повседневных мелочах. Потом замечает исправления красной ручкой. Шаги в коридоре объясняются сквозняком. Странное дыхание за дверью - шумом труб. Всё вполне убедительно, если не задавать лишних вопросов.

Вера начинает проверять записи, искать их автора, сравнивать собственные воспоминания с фотографиями и разговорами. Но вскоре обнаруживает, что помнить событие и быть уверенной в том, как оно произошло, - не одно и то же.

А некоторые объяснения настолько удобны, что отказываться от них совсем не хочется.

Содержание

Глава 1. Ключи	5
Глава 2. Старая версия	19
Глава 3. Два вдоха	32
Глава 4. Протокол	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Исправлено

Глава 1. Ключи

16 ноября 2026 года. Санкт-Петербург.

Ключи застряли в замке.

Вера попробовала ещё раз, надавила плечом на дверь и почувствовала, как провернулся механизм. На связке звякнули два одинаковых ключа и маленький, от почтового ящика. К ним проволокой была прикручена бирка с фамилией продавца — Яковлев. Вера оторвала её, но выбросить было некуда: в кармане пальто теснились телефон, перчатка без пары и чек из пекарни. Бумажка отправилась обратно.

За дверью пахло сухой краской, пылью и чужим порошком для стирки. На лестнице было теплее. Вера вошла, закрыла за собой и, не снимая обуви, прошла по коридору к большой комнате.

Окно занимало почти всю внешнюю стену. Из него виднелись верхние этажи соседнего дома, мокрые карнизы и голубь, который старательно вытаскивал что-то из водосточной трубы. Вера постояла у окна, пока птица не улетела.

Здесь будет стол. Не сразу — сначала проводка, пол, окно, которое продувает. Но место уже выбрано.

Она поставила пакет с завтраком на подоконник, сняла пальто. Дома было холодно, несмотря на тёплые радиаторы; воздух словно не успел нагреться вместе с ними.

За восемь месяцев просмотров ей успели показать квартиру с кухней без окна, бывшую коммуналку, которую продавали как «просторную евродвушку», и вполне приличную однокомнатную на другом конце города. Эту она посмотрела двадцать третьей. На второй осмотр пришла с Полиной, и они тогда больше спорили о паркете, чем об ипотеке.

Накануне она привезла две коробки книг и чайник. Стул таскала три раза: от окна к стене, потом обратно. На съёмной квартире хозяйка просила даже гвозди не забивать. Здесь можно было испортить стену, передумать насчёт цвета, потратить лишние деньги — и выслушивать за это только себя.

Телефон ожил на подоконнике.

Полина: Ты там?

Вера: Дверь открыла. Победила со второй попытки.

Полина: Он же обещал замок отрегулировать.

Вера: Значит, добавлю в список.

Полина: А шкаф?

Вера: Мастер сегодня посмотрит, потом скажу.

Полина: Мне кажется, он тебя переживёт.

Вера сфотографировала комнату. На первом снимке пол выглядел почти прилично, зато коробки исчезли за краем кадра. Она сделала второй, честный, с отогнутым линолеумом и торчащим из стены проводом от старого бра.

Полина: Вот. Это я помню.

Вера улыбнулась и убрала телефон.

В прихожей под зеркалом оставалась узкая полка. Её, как

и шкаф, Кирилл предложил оставить покупателю. Вера вытащила из сумки небольшую керамическую миску, купленную ещё до сделки, поставила на полку и положила туда ключи. Миска качнулась на неровном дереве. Пришлось подложить под неё сложенный чек.

На одном ключе болтался магазинный пластмассовый кружок. Вера пока не стала его снимать.

Она пошла на кухню.

Вера сфотографировала показания счётчиков. Пока спускала горячую воду, смеситель зарычал и брызнул на рукав. На стене у стояка светлела полоса от снятой полки.

В папке «Квартира — до ремонта» уже лежали снимки оконной рамы, трещины над кухонной дверью, пятна у трубы и паркета под линолеумом.

Один владелец магазина два месяца спорил с ней о трещине: снимков набралось много, но нужная стена не попала ни на один. С тех пор Вера фотографировала даже то, что собиралась выбросить.

В большой комнате завернулся край линолеума. Под ним открылись узкие тёмные плашки паркета; они ещё крепко держались.

— Всё равно посмотрим, — сказала Вера, присев перед полом.

Кирилл на просмотре советовал снять покрытие сразу.

«Вложений меньше будет, чем возиться со старьём».

Вера записала: «Паркет — после осмотра». Денег на пер-

вый этап ремонта хватало, если не найдётся новой неприятности.

Телефон снова завибрировал. Сергей, электрик, написал, что приедет к половине двенадцатого. Вера посмотрела на часы: было несколько минут одиннадцатого.

Вера принялась освобождать проход.

Из коробки звякнула посуда. Вера проверила, не разбились ли чашки, и отодвинула коробку к стене.

Шкаф начинался почти от поворота коридора и доходил до стены у спальни. Высокие филёнчатые дверцы когда-то были белыми, теперь краска отливала желтизной. Одну ручку заменили круглой пластмассовой; остальные сохранились латунными. У крайней дверцы нижний угол цеплял порог. Вера поднимала её за ручку, иначе открыть не получалось.

Внутри было неожиданно глубоко. На верхней полке лежали два старых плечика и пустая коробка из-под лампочек. У задней стенки имелись следы от когда-то снятой перегородки.

Полина называла шкаф гробом для верхней одежды. Вера поначалу соглашалась. Теперь же ей жалко было с ним расставаться. По крайней мере до тех пор, пока она не разберётся, что там с проводкой.

Звонок прозвучал ровно в половине двенадцатого.

Сергей принёс сумку с инструментом, сложенную стремянку и пакет с бахилами. Бахилы он надел, хотя Вера дважды сказала, что это необязательно.

— Показывайте, что тут у вас.

Она отвела его к шкафу.

Сергей заглянул наверх, провёл ладонью по боковой стенке и постучал по облицовке возле потолка.

— Коробку закрыли мебелью. Красиво сделали.

— Можно до неё добраться, не ломая шкаф?

— Посмотрим. Эту стенку снимем. Она здесь отдельно прикручена.

— А потом поставим назад?

— Если дерево не рассыплется.

Вера решила не уточнять, насколько вероятен такой исход.

Сергей проверил питание на участке, отключил нужную линию и только после этого снял крышку старой распределительной коробки. Потом присел к крепежу внутри шкафа. Один винт вышел легко. Остальные сопротивлялись: пазы были забиты многолетней краской.

— Дверцы хоть открываются нормально? — спросил он.

— Если их приподнимать.

— Тогда не шкаф, а упражнение.

Он отложил отвёртку и потянул боковую облицовку на себя. Доска с сухим щелчком отошла от рейки. За ней оказался узкий проход к проводке, а ниже — задняя стенка из тонкого листа, приделанная к деревянной раме.

— Тут тоже съёмная, — заметил Сергей.

Он тронул край панели. Та слегка подалась. Под нижней

кромкой виднелась тёмная щель.

Вера наклонилась.

— Подсветите, пожалуйста.

Фонарь высветил кирпич с неровной штукатуркой, пыль на дне узкого пространства и что-то коричневое у стены. Между шкафом и кладкой оставался неглубокий карман, возникший, видимо, из-за того, что заднюю стенку поставили не вплотную.

— Что там? — спросил Сергей.

— Папка. Или обложка какая-то.

Он присмотрелся.

— А, точно.

Вера достала телефон и сфотографировала щель. На снимке из-за вспышки половина поверхности стала белой. Она сделала второй, отступив на шаг.

— Вынуть сможете?

Сергей вынул два коротких шурупа из нижнего края задней панели и отогнул её настолько, чтобы просунуть руку. Он работал осторожно: лист был старый, ломался бы легко.

Из-за него вышла толстая картонная папка, перевязанная выцветшей тесёмкой. Вместе с ней на пол упали кусок штукатурки и два ржавых гвоздя.

— Всё, — сказал мастер. — Больше ничего нет.

Вера проверила дно фонариком. Он был прав.

Папка пахла бумагой, залежавшейся в закрытом шкафу. Тесёмка развязалась не сразу; один узел затянулся так силь-

но, что пришлось помогать ногтем.

Внутри лежали четыре тетради.

Самые обычные школьные, по сорок восемь листов. Одна зелёная, одна с осенними листьями на обложке, остальные почти одинаковые, серовато-голубые. Угол зелёной был замят, на другой виднелось круглое пятно от чашки.

— Письма? — спросил Сергей.

— Похоже, записи.

Она приоткрыла верхнюю тетрадь. Лист был исписан густым почерком.

— Может, прежняя хозяйка оставила, — сказал он и вернулся к инструментам. — Уберите пока с прохода.

Вера сложила тетради обратно. Она перенесла папку на подоконник, где на неё не попадала строительная пыль, и вымыла руки.

Сергей перечислил, что придётся заменить, и пообещал прислать расчёт вечером. Вера спросила только об одном: останется ли шкаф. Он ответил, что постарается его сохранить.

Перед уходом Сергей собрал крепёж в маленький пакет и отдал ей.

— Не потеряйте. Если не подойдёт, новые подберём, но пусть будет.

— Положу к документам.

— Крепёж — к документам? — переспросил он.

— У меня там пока всё.

Сергей улыбнулся и ушёл.

Когда дверь за ним закрылась, Вера увидела рядом с входом недоеденную булочку в бумажном пакете. Кофе, купленный с утра, был совершенно холодным. Она всё равно откусила кусок, стоя в коридоре, и только потом обнаружила на рукаве полоску белой пыли.

Пришлось отряхиваться у мусорного мешка.

Крепёж она оставила на кухонном подоконнике рядом с рулеткой и карандашом, включила чайник и вернулась к папке.

Пока вода грелась, на телефон пришло сообщение от Полины.

Полина: Шкаф жив?

Вера: Частично разобран. Из него достали четыре старые тетради.

Полина: С чем?

Вера: Пока не знаю. Похоже, чей-то дневник.

Полина: Только не читай чужое, а то потом будешь мучиться.

Вера не ответила сразу. Полина нередко давала советы ровно через секунду после того, как сама начинала интересоваться подробностями.

Она поставила кружку на стол возле окна и потянула к себе папку.

На зелёной обложке карандашом стояла единица. Других номеров не было. Вера раскрыла её с начала.

2 сентября 2008.

«Коробки привезла. Водитель встал под знаком и торопил меня, будто это я выбрала ему место. Один пакет с книгами прорвался у подъезда. Самое смешное, что Маргарита Павловна заранее просила ничего тяжёлого не ставить на старый паркет. Аня, говорит, у меня пол и без вас уставший».

Шкаф не трогаю: нафталин. Маргарите обещала проветрить, но чем — не знаю».

Дальше шёл список вещей, которые не поместились в кухонные ящики. Зубная щётка почему-то упоминалась дважды. Вера перевернула страницу.

Судя по тексту, женщина перебралась сюда временно и работала в редакции. Несколько записей были посвящены корректурам: неверной подписи под фотографией, потерянному абзацу, автору, который настоял на слове «эпохальный» применительно к какому-то городскому концерту. В одном месте на полях стояло: «Как можно три раза подряд написать „уникальный“?»

Вера узнала это раздражение. На работе ей тоже приходилось объяснять, что одинаковые слова не делают одинаковыми обстоятельства, если в первом акте написано «вода», а во втором — «конденсат».

Между записями попадались списки дел, разговоры с ма-

терью и жалобы на Алексея, который опять отменил встречу. Седьмого сентября Анна сердито заметила: весь обед простояла на почте, а открытку так и не отправила.

Она задержалась на строчке про открытку. Кому Анна так и не написала? Вера перевернула страницу, хотя только что собиралась закрыть тетрадь.

Она перелистывала недели, выхватывая «дверь», «ключ», «Маргарита». Смахнула напоминание о материалах и дважды попала на один и тот же разворот.

10 сентября.

«До двух гудело у кухни. Сперва записала: „разговаривали на лестнице“. Перечитала — ведь на кухне было громче. Стояк. Скажу Маргарите, хотя она это и без меня знает.»

На кухне утром тоже гудели трубы. Вера даже различила в памяти первые секунды — скрежет и глухой толчок, прежде чем пошла вода. Она закрыла ладонью нижнюю часть страницы и послушала стояк.

На следующем развороте Анна ссорилась с кем-то по телефону, потом мирилась, потом жаловалась на цены в магазине. Она приводила несколько смешных реплик из редакции, но контекст Вере был непонятен. Читая страницу о матери Анны, она почувствовала неловкость и закрыла тетрадь.

Из коридора доносился шум машин. Чай остыл не настолько, чтобы его выливать.

Папку стоило отдать Кириллу. Во всяком случае спросить, знает ли он, кому принадлежали записи. Вера набрала черновик сообщения, но не отправила. Кирилл уже передал ей ключи, и с момента сделки они почти не разговаривали. Если написать, что за шкафом обнаружился чей-то личный архив, он наверняка предложит избавиться от него.

Она открыла тетрадь опять — найти хотя бы фамилию. Проверила первые страницы и несколько дат ближе к концу, потом наугад вернулась назад. На обложке имени не было; между прочитанными местами оставались недели чужой жизни, в которые Вера пока не заглядывала.

В первых числах октября появились красные чернила.

4 октября.

«Вчера поздно вечером услышала чьи-то шаги в коридоре. Сначала подумала, что вернулась Маргарита Павловна. Потом вспомнила: она у сестры до четверга».

Следующая строка была перечёркнута красным. Сквозь штрихи просматривались отдельные слова: «два раза», «прислушалась», «дверь».

Сбоку стояла аккуратная приписка:

«Сквозняк двигал неплотно закрытую дверь».

Вера поднесла лист к окну. Над зачёркнутым текстом

оставалась тонкая борозда от ручки; красные буквы были мельче и строже, чем основные. Наверное, писавшая хотела убрать из рассказа ошибку. Впрочем, легко было представить и другое: сначала испугалась, потом нашла причину.

Она потрогала бумагу возле края, не касаясь чернил, и перевернула страницу.

Здесь Анна снова писала о работе. Два дня подряд жаловалась на срочные правки, отложила встречу с Алексеем, собиралась купить пальто. Между записями был вложен обрывок газетной полосы. На нём красным карандашом исправили лишнюю запятую.

Вера задержалась на газетном клочке дольше, чем требовалось. Если тетрадь вела редактор, привычка подчёркивать и переписывать была объяснима. Она даже подумала, что в папке могли оказаться не дневники, а заготовки для какой-нибудь работы.

Но дальше опять шла квартира.

8 октября.

«Дверь спальни опять не притворилась. Хотела написать „сама открылась“, но нет: я не довела ручку до конца. Нужна отвёртка. В шкаф пока не полезу — Маргарита с ним уже намучилась».

Через несколько строк — перечёркнутая сумма за коммунальные услуги. Внизу страницы: «Пальто не купила».

9 октября.

«Дверь с утра снова приоткрыта. Защёлка не берёт с первого раза. Вчера собиралась заняться ею и забыла».

Вера посмотрела на часы. Было чуть больше трёх.

Утром она открывала спальню, заносила туда коробку с бельём, потом возвращалась за стулом. Дверь всё время мешала ей в проходе. Она отодвинула её к стене и позже, кажется, прикрыла, когда ходила за тряпкой.

Вера положила тетрадь на стол.

Коридор был пуст. На полу у шкафа ещё лежал пакет с мусором, который Сергей не забрал, и возле него — отпечаток её ботинка в пыли. Дверь спальни оставалась чуть приоткрытой.

Вера подошла, прижала полотно и опустила ручку. Щелчок получился негромким; с первого раза язычок не вошёл в ответную планку. Она повторила движение, на этот раз сильнее.

Теперь закрылась.

Она попробовала потянуть дверь без ручки — держалась. С другой стороны коридора слышалось, как сосед открыл кран: по стояку пошла вода.

Вера вернулась к столу. Зелёная тетрадь лежала раскрытой на октябрьской записи, над ней застыла тень от оконной

рамы.

Она сложила все четыре в папку, но зелёную оставила сверху. Кириллу можно будет написать вечером. Сначала стоило выяснить, не встречается ли дальше имя или хотя бы адрес прежней хозяйки.

Вера придвинула к себе кружку и снова раскрыла тетрадь.

Глава 2. Старая версия

В пять часов Вера выписала фамилию крупными буквами. Почти сразу пришлось зачеркнуть: это оказалась Галина из редакции, с которой Анна ссорилась накануне. Ручка покатилась со стола. Вера подняла её и сунула лист под чашку.

На обороте газетного обрезка стояли выходные данные, напечатанные слишком мелко для чтения без очков. Вера сфотографировала их, увеличила изображение и увидела только фамилии людей, которых не знала. До конца страницы оставалось ещё несколько записей, но от букв начало рябить в глазах.

Она закрыла зелёную тетрадь, положила сверху газету и наконец занялась тем, для чего приехала.

На кухне нашёлся пакет гречки с истёкшим сроком годности. Его Вера выбросила вместе с двумя крышками от банок и выцветшей инструкцией к газовой колонке, которой в квартире не было. Открутила расшатавшуюся ручку от шкафчика, чтобы взять образец в магазин. Помыла столешницу. Та после мытья оказалась не белой, как думалось, а светло-серой.

От бесконечных снимков и сообщений телефон почти разрядился. Вера потянулась за зарядкой, вспомнила, что оставила её в коробке с постельным бельём, и стала искать

нужную коробку среди остальных.

В этот момент позвонила Полина.

— Ты занята?

— Вскрываю собственное имущество.

— Что на этот раз?

— Коробку. Ищу зарядку. Подожди.

Вера прижала телефон плечом к уху, расправила верхние створки коробки и обнаружила внутри полотенца, настольную лампу без плафона и пакет с носками. Зарядки не было.

— У тебя же всё подписано, — сказала Полина.

— Подписано «спальня». Зарядка должна была лежать в спальне.

— Железная логика. Как день?

— Нормально. Электрик посмотрел проводку, часть придётся менять. Шкаф пока жив.

— Это слово «пока» меня пугает больше всего.

— Он ещё не развалился. Слушай, ты помнишь, что мы решили насчёт стены у окна?

— Какой стены?

— Большая комната. Где стол будет.

— А-а. Ты хотела зелёную.

— Я помню, что хотела зелёную. Мы про оттенок говорили.

На другом конце было шумно. Полина попросила кого-то подождать и, судя по звуку, прикрыла дверь.

— Извини. У нас здесь крепления приехали не те. Что за

оттенки?

— Ты говорила, что тёмный делает комнату маленькой.

— Да нет, я сказала, что в образце на телефоне он выглядел как школьная доска. Мы же потом в магазине смотрели другой.

Вера села на край стула. Перед глазами снова возникли зелёные прямоугольники на экране и Полинина ладонь, зашлонившая самый тёмный. Они ходили в магазин — это она помнила. Полина тогда рассмеялась над каким-то названием цвета. Вера почти слышала смех, а прилавка перед ними так и не увидела: краска или светильники? Она попробовала удержать картинку, и та рассыпалась.

— Мне казалось, ты вообще была против зелёного.

— Я была против твоего решения красить стену до того, как электрику сделают.

— А. Вот это похоже на тебя.

— Между прочим, правильно была против.

Вера нашла зарядку в кармане полотенца, куда сунула её вчера, чтобы провод не спутался с бельём. Она включила телефон в розетку и наконец освободила обе руки.

— Как у тебя на работе?

— Не спрашивай. У витрины подсветка не подходит по размеру, а подрядчик объясняет, что мы сами утверждали чертёж. Мне сейчас ещё надо на склад сходить. Вы завтра до скольких со своим мастером?

— До вечера, наверное. Он список пришлёт, потом ре-

шим.

— Мне показалось, у тебя отпуск.

— Отпуск. От этого ремонт не становится короче.

Полина засмеялась.

Они поговорили о гостевом матрасе, который Полина обещала привезти после ремонта, и о том, что Вера не собиралась покупать диван до Нового года. Полина считала это жадностью. Вера — необходимой последовательностью расхождений.

— Ты на пол соберёшься меня укладывать? — спросила Полина.

— Матрас на полу. Так люди живут.

— Так люди путешествуют с палатками, Вера. Я у тебя в гости собираюсь.

— Принесёшь с собой подушку.

— Я принесу тебе смету на нормальный диван.

Из соседнего помещения снова позвали Полину. Она ответила кому-то: «Да иду я, две минуты», — но не отключилась.

— А после нашего просмотра ты вообще хотела эту квартиру брать? — спросила она.

— В смысле?

— Помнишь, после просмотра мы вышли на улицу, и ты сказала, что здесь всё переделывать. Я думала, ты откажешься.

Вера вспомнила мокрую ступеньку у подъезда и Кирилла,

который остался наверху закрывать окна. Полина держала в руках бумажный стаканчик с кофе и всё время просила его поставить куда-нибудь, потому что кофе протекал через крышку.

— Я сказала, что здесь всё переделывать, потому что здесь всё переделывать.

— Не спорю. Но у тебя было такое лицо...

— Какое?

— Не знаю. Ты смеялась. Вот это я и запомнила. Обычно после просмотров ты начинала мне перечислять недостатки.

— Я и тогда перечисляла.

— В основном ты спрашивала, куда поставить стол. А про скрип пола сказала, что хотя бы не ламинат.

Это было правдой. Вера даже помнила, как наступила на одну плашку у окна, проверяя, двигается ли та под ногой. Полина тогда пошла дальше и едва не зацепила сумкой ви-сящий провод.

— Мне нравилось окно, — сказала Вера.

— Знаю. Ты про него минут десять говорила.

— Не десять.

— Хорошо, девять.

Вера слушала, как Полина что-то говорит людям рядом, уже не в телефон. Потом та вернулась к разговору:

— Слушай, я убегаю. Ты поешь сегодня что-нибудь нормальное?

— Если найдётся что разогреть.

— У тебя там плиты нет?

— Плита есть. Холодильника нет.

— Купи что-нибудь, пока магазин не закрылся.

Вера посмотрела на кухонный шкафчик. Там оставалась банка фасоли, которую она привезла вчера вместе с посудой.

— У меня фасоль есть.

— Вот и отлично. Я завтра после монтажа напишу.

— Удачи с подсветкой.

— Она нам понадобится.

После звонка Вера ещё немного сидела на стуле. В кухне начинало темнеть; за стеклом напротив загорелись окна, в одном из них кто-то поставил на подоконник белую лампу.

Вера попробовала вспомнить, смеялась ли тогда у подъезда. Вспомнила мокрую ступеньку, Полинин протекающий стакан и Кирилла, который всё не мог закрыть окно. Если и смеялась, то скорее над кофе.

Вера посчитала оставшиеся деньги до зарплаты, закрыла банковское приложение и пошла на кухню.

Она переложила фасоль в маленькую кастрюлю и поставила на плиту. Пока та грелась, Вера заглянула в прихожую. Ключи лежали в миске, а под её краем торчал сложенный чек. Надо будет купить для полки маленькую пробковую подставку.

Мокрая ступенька у подъезда опять пришла на ум. Паркет хотелось оставить, хотя она уже не помнила, когда окончательно это решила.

Вера выключила конфорку, переложила фасоль в тарелку и села есть за чисто вымытым кухонным столом.

После семи она вынесла мусор.

В подъезде пахло краской и капустой. На лестничной площадке она машинально свернула налево, как в прежнем доме, и упёрлась в стену. Здесь лестница начиналась справа. На площадке этажом ниже кто-то оставил детский самокат. Пришлось обойти его боком, держа мешок подальше от ступеней.

Во дворе не было ветра. На асфальте стояли мелкие лужи, по которым медленно проехала машина доставки. Вера выбросила мусор, купила в магазине у угла хлеб, яблоки и питьевую воду. На обратном пути заглянула в почтовый ящик. Там обнаружились рекламные листовки, старая квитанция за обслуживание дома и пластиковая карточка службы доставки, адресованная прежнему владельцу.

С квитанцией она решила разобраться завтра.

Вернувшись, Вера распаковала посуду. Коробку пришлось отодвинуть от кухонного шкафчика в коридор; сколотые чашки она отложила на выброс.

К восьми кухня стала напоминать место, где можно приготовить еду. Вера достала последнюю тарелку, огляделась и заметила, что узкая коробка из-под посуды стоит поперёк прохода у спальни.

Она остановилась с тарелкой в руках.

Ей казалось, коробка осталась у холодильного места, возле кухонной стены. Там она мешала открывать шкафчик; именно поэтому Вера и собиралась её убрать.

Вера посмотрела в сторону кухни. Там уже не было коробки, которую она помнила возле нижнего шкафчика.

Вера поставила тарелку.

Она никак не могла вспомнить, когда перенесла коробку к спальне.

Вера вернулась к кухонной двери. На картоне белела полоса штукатурки; такая же тянулась по полу к спальне. Похоже, она сама протащила коробку через проход.

Вера присела, провела пальцем по полосе. Картон был сухой; на паркете виднелись две крошки побелки.

Она открыла фотографии за сегодняшний день.

Между снимком розетки и фотографией пакета крепежа нашёлся кадр, который она сделала уже после звонка Полины: показала матери, как выглядит кухня без вещей. Мать ответила коротко: «Лучше стало, но когда же ты поешь?»

На фотографии в углу, у самой двери, стояла та же коробка. Ещё ближе к спальне, чем Вера помнила.

Она увеличила кадр. В правом нижнем углу был виден кусок полиэтиленового пакета с рекламой магазина — того самого, куда она только что ходила. Фотография была сделана в девятнадцать часов двадцать семь минут.

Вера проверила время на телефоне. Сейчас — без малого

восемь.

Коробка находилась почти там же полчаса назад.

Она даже вспомнила, зачем отодвинула её в коридор: прижимала дверцу нижнего кухонного шкафчика, пока та не перестала задевать коробку. И тогда поставила рядом пакет с покупками.

От этого воспоминания было немного досадно, будто кто-то напомнил ей о простейшей ошибке при свидетелях.

У полки под зеркалом лежала смятая листовка из почтового ящика. Вера бросила её к мусору и снова посмотрела на снимок кухни. Коробка действительно была там ещё до восьми.

Вера взяла коробку двумя руками, сложила верхние клапаны внутрь и приставила к стене так, чтобы больше не задевать плечом.

Вера не стала ничего записывать.

Коробку она, скорее всего, отодвинула сама. На снимке та уже стояла у спальни. Наутро нужно было заказать материалы, а не снова пересматривать фотографии.

Рекламу кухонь с неправдоподобно большим островом она отправила в мусор.

Сергей прислал список материалов. Вера заметила повторяющуюся позицию и попросила уточнить количество.

Ответ пришёл минут через пять: «Да, вторую убрать. Скопировал из другого объекта».

Вера поставила пометку и закрыла переписку.

К половине одиннадцатого в доме стало тихо.

В спальне Вера раскрыла раскладушку и застелила её. Кровать приедет после ремонта. В большой комнате оставила настольную лампу без плафона: светила та неплохо, хотя вилка едва держалась в розетке.

На кухне скрипели петли шкафа. Из стены у санузла доносился негромкий звук воды; кто-то наверху принимал душ или мыл посуду.

Она приоткрыла кухонное окно. С улицы пахло мокрыми листьями. Потом вернулась к спальне.

Длинную коробку из-под посуды Вера прислонила к стене возле шкафа, чтобы утром вынести.

Из большой комнаты донёсся лёгкий стук.

Вера обернулась.

Стук повторился. В коридоре дрогнула дверь спальни, чуть отошла от косяка и снова ударилась о него. Вера открыла рот, чтобы позвать кого-нибудь, и тут же закрыла. Кого? Она одна. Днём защёлка тоже не держала; после уборки Вера оставила дверь прикрытой. Эта подробность вернулась к ней лишь тогда, когда стук прекратился.

Она постояла, слушая.

При следующем движении дверное полотно задело коробку, и по картону прошёл короткий шорох, почти похожий на волочащуюся ткань. Коробка качнулась и съехала по неров-

ному полу на несколько сантиметров.

Вера отодвинула коробку, прикрыла кухонное окно. Поток воздуха ослаб, и дверь спальни перестала стучать.

Под полкой в прихожей висела старая металлическая планка с крючками. Один из них дребезжал, когда по лестнице кто-нибудь проходил тяжёлой поступью. Сейчас было тихо, но Вера всё равно сняла с крючка висящий пустой пакет — он шевелился каждый раз, когда она открывала входную дверь.

Вернувшись в большую комнату, она обнаружила на столе зелёную тетрадь, которую оставила сверху остальных.

День выдался длинным. Тетради, в отличие от коробок и мусорных мешков, она почти не трогала после находки.

Вера взяла зелёную. Целый день она обещала себе найти подпись и больше не задерживаться на чужих записях; вместо этого снова листала знакомые даты. На обороте обложки под полосой клея обнаружились неразборчивые цифры — то ли старый номер, то ли пометка из редакции.

Она перелистнула к октябрьским записям, где остановилась днём. Между страницами лежал тот самый газетный обрывок. Вера поправила его, чтобы не выпал.

4 октября.

«Вчера поздно вечером услышала чьи-то шаги в коридоре. Сначала подумала, что вернулась Маргарита Павловна. Потом вспомнила: она у сестры до четверга».

Дальше красная зачёркнутая строка и приписка на поле:

«Сквозняк двигал неплотно закрытую дверь».

Вера перечитала приписку. Бумага была чуть шершавая, там, где ручка оставила глубокие бороздки. Никаких следов того, когда именно Анна взяла красную ручку, разумеется, не было. Страницу можно было исправить вечером, а можно через неделю.

Вера представила Анну с красной ручкой над этой страницей. Исправление было сделано уверенно; первый испуг, напротив, торопливым почерком.

Вера закрыла тетрадь. За окном проехала поздняя машина; полоса света прошла по потолку и исчезла. На часах было без десяти одиннадцать.

Она выключила лампу, но не сразу легла: сходилла закрыть кухонное окно. В коридоре теперь было спокойно. Коробка стояла у стены. Дверь спальни, которую она прижала по дороге, держалась на защёлке.

Вера проверила входную дверь, прошла в спальню и закрыла за собой дверь до щелчка. У изголовья раскладушки поставила маленький ночник, взятый из коробки с бельём. От него на подушку падал тусклый жёлтый свет.

Она хотела написать Полине, что у неё получилось обустроить комнату для первой ночёвки. Передумала: завтра у

подруги ранний монтаж, а сама она едва держалась на ногах.

Телефон остался на зарядке. Вера легла, натянула одеяло до плеч, прислушалась к короткому плеску воды за стеной и закрыла глаза.

Утром следовало разобраться с материалами и спросить Сергея о защёлке спальни.

Потом подумала про зелёную краску и вспомнила, что оттенок так и не выбрала.

Заснула она раньше, чем успела решить, возвращаться ли к этому вопросу завтра.

Глава 3. Два вдоха

Вера проснулась и какое-то время смотрела на светлую полосу над плинтусом. Она не сразу сообразила, с какой стороны стоит окно.

Ночник у раскладушки горел. В нём был такой тусклый свет, что он освещал только нижний угол двери и брошенную возле стула кофту. На улице давно перестали ездить машины. По батарее один раз тихо щёлкнуло.

Затем за дверью кто-то втянул воздух.

Дважды. Быстро, с короткой остановкой между вдохами.

Вера лежала, держа одеяло у подбородка, и ждала продолжения. Сначала она решила, что звук шёл с лестничной площадки. Но до входной двери было ещё несколько метров коридора, а слышалось совсем близко, почти у спальни.

Прошло секунд двадцать. За стеной что-то глухо отозвалось и смолкло.

Она села на раскладушке.

Ноги оказались на холодном полу. Вера нащарила тапки, но не надела их. Прислушалась. Соседская дверь хлопнула где-то этажом выше. Потом услышала два отдалённых голоса — мужской и женский. Они быстро исчезли.

Надо было просто выйти и посмотреть.

Вера потянулась к ручке двери, остановилась. Вчера весь

день она возилась с замком, а вечером специально довела язычок до щелчка. Сейчас достаточно было повернуть ручку и зажечь свет. Никто не мешал.

За дверью снова слышалось:

— Х-х. Х-х.

Она отдёрнула руку.

Невозможно было понять, находится ли источник в коридоре или в самой стене. Звук имел начало, как у человеческого вдоха, но в конце дребезжал — совсем слегка, будто воздух проходил через узкую щель.

Вера сосчитала до десяти, потом ещё раз. Никто не кашлял, не ходил, не касался дверной ручки.

Телефон остался в большой комнате на зарядке. Вера тихо выругалась. Если звук повторится, она даже не сможет его записать. Хорошо, что ночник не выбросила: иначе пришлось бы искать выключатель на ощупь.

Она осторожно повернула ручку.

Дверь открылась внутрь спальни без сопротивления. В коридоре было темно. Сквозь стекло кухонного окна на полу виднелось расплывчатое пятно уличного света. Напротив шкафа стоял сложенный картон, под зеркалом белела миска с ключами.

Вера включила коридорный свет.

Только теперь заметила, что держит ручку обеими руками.

Она прошла мимо шкафа, заглянула в большую комнату.

У окна светился зелёный индикатор зарядки. Телефон лежал экраном вниз рядом с настольной лампой. Вера взяла его, отключила провод и посмотрела время.

00:47.

Сообщений не было. Вера открыла диктофон. Список старых записей оказался неожиданно длинным: рабочие замечания по телефону, чьё-то поздравление, несколько голосовых напоминаний купить продукты. Она нажала красную кнопку и вернулась к спальне.

Сперва записывались только её шаги.

Она встала на прохладный паркет. Телефон держала возле груди. Шесть секунд, двенадцать, двадцать три.

Со стороны санузла доносилось слабое урчание воды. Где-то высоко в доме коротко гудела труба. Вера наклонила телефон к двери спальни, стараясь не задеть пальцем микрофон.

Она ждала почти пять минут.

Звук появился тогда, когда Вера уже собиралась остановить запись. От стены возле кухни прошёл едва заметный низкий гул, за ним два быстрых сиплых толчка. Между ними что-то тонко звякнуло. Потом снова стало тихо.

Вера осталась стоять на месте.

На экране продолжали бежать секунды.

Она остановила запись, прослушала последние полминуты. Сначала слышался её собственный вздох, слишком громкий и близкий. Потом шорох от движения руки. Два коротких толчка, из-за которых она вышла в коридор, уместились

в самом конце и звучали уже иначе: один длиннее, другой словно сдавлен.

Вера включила воспроизведение ещё раз.

Трубы. Насос у соседей. Воздух в коробе. Вера называла причины одну за другой, но всё время возвращалась к одному: сначала раздался короткий вдох, потом второй. В старом доме звуки путешествовали по стенам. Лёжа без света, она не собиралась спорить с собственными ушами.

Но отчего тогда казалось, что вдохнули прямо перед закрытой дверью?

Она пошла в санузел, повернула холодный кран и прислушалась. Вода побежала ровно, без рывков. Горячий дал короткий стук в стене, а потом зашумел привычно. Ничего похожего на два вдоха.

Вера выключила воду, погасила свет в коридоре и вернулась в спальню с телефоном.

Ставить его на пол рядом с раскладушкой было неудобно: там уже лежали кофта и сложенный плед. Она пристроила аппарат на подоконнике, с той стороны, куда не доходил свет ночника.

Дверь за собой закрыла, проверила один раз и легла.

Потребовалось некоторое время, чтобы перестать слушать. Вера всё ловила себя на том, что ждёт определённой последовательности: шорох, два быстрых вдоха, пауза. От этого тихие звуки дома становились особенно отчётливыми. В верхней квартире спустили воду. Скрипнул пол у ок-

на. Кто-то проехал по улице с громкой музыкой; басы на несколько секунд протянулись вдоль стены.

Она перевернула подушку прохладной стороной вверх.

Если бы в коридоре был человек, пришлось бы что-то услышать ещё. Шаги, движение дверцы шкафа, поворот ключа. Всё это можно было объяснить и без дневника.

Вера натянула одеяло и закрыла глаза. Несколько раз ей казалось, что звук возвращается, но стоило поднять голову, как оставался только ровный шум за стеной.

Она заснула под утро, когда с улицы начали слышаться первые автобусы.

В десять Вера съела яблоко, выпила чай и выяснила, что в магазине ей продали хлеб, который к утру стал твёрдым, как сухарь. Она отрезала ломтик, попробовала разжевать, отложила в сторону. Придётся сходить за свежим.

На экране телефона оставалась открытой запись длиной шесть минут сорок восемь секунд. Вера назвала файл «коридор 00-47» и сохранила в отдельную папку. Даты в названии она не указала: телефон всё равно фиксировал время создания.

Утром Вера попробовала составить из ночи один рабочий абзац. «В коридоре кто-то дышал». Нет, так нельзя. «Звук напоминал дыхание». Это было точнее и одновременно отчего-то обиднее. Она набрала две строки, посидела над ни-

ми и закрыла записку, не сохранив.

Вера положила телефон возле раковины и открыла кран.

Труба в стене стукнула, вода пошла тонкой струёй. Она подставила кружку, подождала, когда наполнится. Потом закрыла кран и ещё некоторое время стояла рядом. Ничего.

Вера написала Сергею о сроках работ. Пока ждала ответа, разобрала бумаги на кухонном подоконнике.

Среди бумаг нашлись шурпы от шкафа. Вера пересыпала их в коробочку из-под леденцов.

Со стороны санузла донёсся протяжный гул.

Вера замерла с коробочкой в руках.

Следом в коридоре раздалось два коротких, почти сухих звука. Они были тише ночных, но между ними сохранилась та же пауза.

Она быстро открыла на телефоне диктофон. Пока искала кнопку записи, гул уже стих. Вера стояла у стены и смотрела на узкую линию между дверной коробкой и штукатуркой.

Прошла минута. Наверху открыли воду, и снова послышалось знакомое низкое урчание. На этот раз вслед за ним прозвучало что-то похожее на короткий выдох. Вера записала несколько секунд.

Она переключилась на ночной файл. Два раза подряд прослушала конец, затем только что сделанную запись.

Звук был похож. Не идеально, но достаточно, чтобы вспомнить, как ночью он будто начинался у самой двери спальни. Дневная запись оказалась менее резкой. В ней от-

чётливее слышалось металлическое дребезжание.

У двери спальни шум воды казался ближе, чем на кухне. Вера приоткрыла дверь, сравнила записи ещё раз. Сходство не стало убедительнее, но ничего другого она пока не услышала.

Вера вернулась на кухню и налила себе ещё чаю.

Сергей ответил, что сможет приехать не раньше среды. Вера отправила ему фотографию крепления шкафа.

После этого она вспомнила о тетрадях.

Папка лежала на большом столе. Зелёная была сверху, как вечером. Вера переложила её в сторону и взяла тетрадь с осенними листьями на обложке. На первой странице значилась дата конца октября 2008 года. Дальше шли заметки о работе и о том, что в комнате стало холодно, несмотря на отопление. Анна собиралась купить уплотнитель для окна, но постоянно забывала.

Вера пропустила несколько недель: страницы о редакции, о чьих-то обидах и телефонных разговорах. На середине разворота заметила знакомое слово «коридор» и вернулась. Остальные записи остались непрочитанными.

«23 октября.

Оля снова спорила с художником из-за подписи к фотографии. На снимке закрытие выставки, а автор упорно называет его открытием. Мне завтра вычитать сорок страниц. Купила батарейки для часов, молоко забыла. Позво-

нить Маргарите до работы».

На следующем листе красным были исправлены две цифры, записанные рядом с фамилией какого-то автора. Рядом значилось: «Сначала проверить выходные данные». Вера усмехнулась: даже дома Анна не выпускала из рук редакторскую работу.

Ещё через несколько страниц почерк стал небрежнее.

«27 октября.

Проснулась от звука в коридоре. Написала „шаги“ и тут же зачеркнула: был один короткий вдох, словно кто-то шумно втянул воздух. Решила, что Маргарита ищет выключатель. Потом вспомнила — она в отъезде. Проверила. Никого».

Слово «Никого» оказалось подчёркнуто дважды.

Под записью стояла красная строка:

«После слива воды шумит стояк. Звук слышнее у спальни».

Анна не перечеркнула весь абзац. Она только провела одну красную черту вдоль поля и поставила стрелку к своему объяснению. В конце приписала маленькое «верно».

Чёрная строка шла неровно; красные буквы стояли почти по линейке. Вера поднесла тетрадь к окну. На обратной стороне выступали вмятины от ручки. Она всё поворачивала лист, хотя за несколько секунд уже разглядела всё, что на нём было.

Вчера вечером она уже встречала в первой тетради запись о сквозняке и двери. Теперь та же женщина жаловалась на водопровод — и тоже исправила собственный испуг.

Вера положила тетрадь рядом с телефоном и включила ночную запись. На мягком фоне урчания слышались два сиплых звука. Дневной шум, который она записала полчаса назад, сопровождался таким же глухим ударом. Разница была заметна, если вслушиваться. Ночью Вера стояла с телефоном у двери, а днём — у кухни.

Она не стала включать записи в третий раз.

Внизу страницы Анна жаловалась на сорвавшуюся встречу: Алексей опять позвонил слишком поздно. Вера хотела дочитать, но телефон завибрировал в руке. Писала Полина: «У нас подвесили витрину. С третьей попытки. Ты как?»

Вера ответила: «С трубами разобралась. Завтра буду заниматься электрикой».

Ответа она не ждала. Полина работала и, вероятно, снова куда-то бежала со стремянкой.

Вера убрала тетрадь в папку.

У стены прихожей лежала большая пустая коробка, которую она собиралась вынести утром. Она взяла её и отнесла к

мусорному мешку. Потом открыла входную дверь, посмотрела на лестничную площадку: здесь было светло, пахло варёной капустой и моющим средством, за дверью соседей звенела посуда.

Вера закрыла дверь и потянула её на себя, проверяя язычок замка. Держалась.

Снова проверять дверь, разглядывать замочную скважину с фонариком и искать в переписке сведения о старых ключах ей уже не хотелось. Трубы она проверила, звук записала, другой версии не нашла. В соседней комнате можно было сейчас же услышать, как кто-то спускает воду — достаточно было подождать ещё несколько минут.

Вера вернулась к кухонному столу. Чай остыл. Она допила его одним глотком и открыла сайт магазина электротоваров.

После обеда Вера освободила проход у шкафа.

Снятые Сергеем доски она сложила у стены большой комнаты. На их месте в коридоре осталась светлая пыль.

Шурупы переложила в прозрачную коробочку с защёлкой, купленную по дороге из магазина.

У шкафа на полу лежала новая пыль. Вчера Вера подметала здесь после электрика, а теперь светлая крошка снова собралась у нижней планки. Она присела, провела по полу салфеткой. На пальцах осталась мелкая штукатурка.

Пыль могла осыпаться из стены после снятия панели. Сер-

гей предупреждал, что старую отделку лучше лишний раз не трогать. Вера заглянула в нишу: бумажной папки, конечно, там уже не было, на дне лежали только обломки штукатурки и несколько коротких волокон древесины.

Она поднялась и вдруг подумала о ключах.

При подписании акта Кирилл передал ей два комплекта ключей. Один лежал в сумке, другой — с документами. Но Кирилл получил квартиру по наследству и мог не знать обо всех старых ключах Маргариты Павловны.

Можно было спросить его прямо.

Вера достала телефон, открыла переписку с Кириллом и начала печатать: «Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, кроме переданных ключей могли остаться ещё...»

Она остановилась.

Вера хотела узнать, от всех ли замков у неё ключи. Вместо этого открыла смету и дописала: «Замок — проверить у мастера».

Сообщение Кириллу осталось недописанным.

Вера вернулась к смете. Сергей прислал фотографию подходящего крепления и обещал показать в среду, как его установить.

Вера оформила заказ на кабель, автоматы и коробки. Часть товара обещали только на следующей неделе.

При звонке выяснилось, что одного автомата нет. Вера попросила письменно подтвердить замену и записала номер заказа.

К половине третьего солнце уже уходило за соседний дом. На подоконнике ещё оставались следы вчерашней пыли, но в комнате стало заметно чище. Вера собрала бумагу, поставила чайник и открыла окно на кухне, чтобы выветрить запах строительного мусора.

Из стены донеслось короткое, глухое урчание. Потом два знакомых сиплых толчка.

Вера даже не повернула головы.

Она налила себе чай, посмотрела на список покупок и решила, что до вечера успеет сходить за нормальным хлебом.

В телефоне, в переписке с Кириллом, остался недописанный вопрос о ключах.

Глава 4. Протокол

Карандаш из коробки с ремонтными мелочами оставлял на бумаге слишком бледный след. Вера дважды обвела дату, посмотрела на страницу и пошла за ручкой.

В блокноте вперемешку стояли размеры шкафа, номер Сергея и обозначение кабеля. К вечеру этот лист мог потеряться среди остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.